

Когда на Монику нахлынули воспоминания об отце, единственное, что она могла вспомнить, это его спину. Его фигуру, которая стояла лицом к столу на протяжении всех дней работы исследователем.

- Папа... Папа...

В надежде, что он обратит на нее свой взгляд, юная Моника протянула руку к его спине... но тут же отдернула её. Она понимала, что ее отец выполняет важную работу, поэтому не хотела его беспокоить.

Но, словно услышав внутренний голос девочки, рука мужчины замерла над записями, и он перевел взгляд на Монику. За очками на лице, заросшим бородой, скрывались спокойные глаза интеллигентного человека. Ее отец всегда отличался спокойным характером.

Он притянул руку, которую она отдернула, и обхватил ее обеими руками. Это обрадовало Монику, и она не смогла сдержаться:

- Ах... Папа...

- Хм? Я действительно так стар?

- Ваше Высочество, нет необходимости слушать глупости этой маленькой девочки, - сказал другой голо - серьёзный.

- О, я думал, ты собираешься разбудить ее пощечиной? - опять заговорил первый.

- Ну... то есть... эта девочка больна... - замялся второй, поубавив строгости в тоне.

И все эти голоса она знала... они звучали прямо над ней.

Моника тихонько застонала, прежде чем открыть глаза. Оглянувшись, очевидно, она лежала на кровати в лазарете. Это было то же самое место, куда ее привели раньше. После она увидела две фигуры, стоящие рядом с ее кроватью. Сверкающие в малейшем свете, это были медовый блондин и платиновый блондин.

- Ваше Высочество и... лорд Эшли...?

Феликс Арк Ридилл, президент студенческого совета, и Сирил Эшли, вице-президент действительно стояли рядом с кушеткой.

Тот, кто схватил Монику за руку, был Феликс.

«Почему эти два человека здесь? Почему Феликс держит меня за руку? - сознание ведьмочки, которое начало медленно пробуждаться, смутно припоминало события, которые привели ее к этому моменту. - Если я правильно помню, у меня закружилась голова после того, как я выпила тот горький чай...»

С этого момента остальная часть ее памяти была очень расплывчатой. Ей казалось, что ей снился кошмар.

- Тебя опоила дочь графа Норна во время чаепития. Будучи отравленной, ты находилась в беспамятстве.

- Что?! - Моника быстро побледнела и выдернула свою руку из руки Феликса. Затем она скатилась с кровати и заставила свое все еще слабое тело прижаться лбом к полу.

- Эй, девочка, что ты делаешь!? - удивленно произнес Сирил и попытался заставить её встать.

Но Моника осталась распростертой на полу, ее неподвижные губы дрожали, когда она выдавливала из себя слова.

- Я прошу прощения... за любые неудобства... которые я могла... причинить вам!

Как только она произнесла это, ее затошнило. Ее голова сильно закружилась.

Тем не менее, она чувствовала, что должна извиниться. Потому что именно она испортила чаепитие и вызвала переполох.

- Я прошу прощения... за то, что не смогла соответствовать статусу члена студенческого совета...

Слезы навернулись на глаза, когда она извинялась. Почему-то ее глаза были очень горячими. Слезы безудержно хлынули по лицу.

- Мисс Нортон, пожалуйста, подними голову, - Феликс опустился на колени и погладил девушку по волосам, но она так и не подняла голову.

Они, должно быть, так разочарованы в ней, считая ее невеждой, которая даже не может вести

себя прилично на чаепитии. Ведьмочка могла придумать так много вещей, в которых винила себя. Пока она терзалась, придумывая бесконечные слова для самобичевания, чья-то рука погрузилась в подмышку Моники... и подняла её, как поднимают котенка.

- Эй! Как ты смеешь заставлять Его Высочество преклонять перед тобой колени!

Это был Сирил, тот, кто поднял Монику.

«Ах, из-за того, что я не умею себя вести, лорд Эшли снова разозлился на меня...» - всхлипывая, подумала она, на что Сирил ответил лишь ворчанием.

- В этот раз ты - жертва... Зачем жертве извиняться?

- Но...

- Больной человек со смертельным цветом лица не должен говорить глупости! В следующий раз, когда ты встанешь с кровати без разрешения, я привяжу тебя к ней веревкой! - Сирил сердито поднял брови, озвучивая довольно пугающее заявление, в которое девушка охотно поверила.

- Боже, что за бред ты несешь в лазарете? Мой дорогой брат?

Занавеска, разделяющая кровать, качнулась, открывая прекрасное лицо.

Прямые черные волосы и глаза цвета лазурита. Молодая девушка с красивой внешностью и мрачной атмосферой была Клаудией.

Брат?..

Сирил уставился на Клаудию с изумленным выражением лица, затем сжал плотно губы и замолчал.

Феликс, напротив, одарил Клаудию лучезарной улыбкой.

- Мисс Клаудия Эшли, благодаря вашей отличной первой помощи, ученица была спасена. Как президент студенческого совета, я хотел бы поблагодарить вас от всего сердца. Спасибо.

- С удовольствием помогу.

По какой-то причине Клаудия выглядела неловко, несмотря на то, что ее благодарил принц этой страны.

На такое отношение, которое можно было расценить как неуважительное, Сирил поднял брови.

- Его Высочество удостоил тебя своими комплиментами. Ты должна проявить немного больше признательности.

- О боже, хочешь, чтобы я виляла хвостом, как хваленая, глупая собака, как это сделаешь ты? - Клаудии удалось ловко подколоть его, хихикнув с пустым выражением лица.

Как и ожидалось, отношение, поразившее нервы большинства людей, заставило Сирила вскочить на ноги.

- Кого ты называешь собакой!?

- Никто ничего не говорил о тебе, мой дорогой брат. Боже, что у тебя с лицом? Я пыталась нести больную Монику Нортон на руках, но из-за отсутствия сил, пройдя половину пути, у меня кончились силы, и я попросила президента взять это на себя.

При этих словах, произнесенных безразличным голосом, Сирил покраснел сильнее, затем побледнел, и, наконец, его лицо стало совершенно белым. Он просто почувствовал себя таким жалким.

- Простите... если я тяжелая...

Пока Моника старалась изо всех сил, Сирил хрустел и скрежетал зубами. Но ничего не сказал.

<http://tl.rulate.ru/book/55474/1638409>